

НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ «ПРОГРЕССИВНОЙ ЭРЫ» В АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б. Д. Козенко

200-летие образования США явилось для американских буржуазных историков поводом еще раз пересмотреть с апологетических позиций многие ключевые этапы и события истории своей страны. В непрерывно растущем потоке литературы в последние годы все заметнее выделяются исследования о «прогрессивной эре» — так в американской буржуазной историографии именуется период от конца XIX в. до первой мировой войны. Создается впечатление, что эта тема становится одной из самых популярных и важных. «Прогрессивная эра», говорится в недавно опубликованной работе, — один из «истинно великих периодов» американской истории¹. В общем, это не случайно. 1898—1914 годы — исходный рубеж в развитии буржуазного реформизма («прогрессизма» — отсюда и название «эры»), метода, широко применяемого и до сих пор буржуазией в борьбе с революционным и освободительным движением. В идейном наследстве «прогрессизма» буржуазные идеологи ищут обоснования реформистских теорий и практики, образцы лозунгов, идей, тактики. Они ссылаются на его опыт для утверждений о невозможности и ненужности революционных изменений в США, для прославления «американской демократии». В свою очередь, представители буржуазно-радикальных течений выискивают в нем аргументацию для своих критических и теоретических воззрений.

Интерес к «прогрессивной эре» проявляется не только в возросшем масштабе и многообразии исследований различных ее аспектов, но еще больше — в отчетливо выраженном стремлении по-новому ее истолковать. И в этой связи привлекают внимание попытки пересмотреть традиционную либерально-реформистскую («прогрессистскую») концепцию, вошедшую в учебники и хрестоматии. Ее создавали известные американские историки Ч. Бирд, Р. С. Бейкер, Д. Хикс, В. Паррингтон, А. Шлезингер-старший и другие. Ее поддерживают некоторые современные историки (Э. Гольдман, Р. Най и др.)². Уже поэтому ее ревизия — явление незаурядное, тем более что участвуют в ней влиятельные представители почти всех направлений немарксистской историографии США. Настоящая статья посвящена в основном новым концепциям «прогрессивной эры».

Марксистская концепция истории США периода довоенного империализма (1898—1914 гг.) содержится в трудах американских прогрессивных авторов³ и советских историков. Советские исследователи обра-

¹ E. S. Griffin. A History of American City Government. The Progressive Years and Their Aftermath 1900—1920. N. Y. 1974, p. IX.

² «Conflict or Consensus in American History». Ed. by A. F. Davis and H. D. Woodman. Boston. 1966. Chapter VII.

³ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953; его же. Негритянский народ в истории Америки. М. 1955; В. Перло. Американский империализм. М. 1961.

тились к этой теме еще в 30-е годы. В общем виде она была отражена в работах В. И. Лана и Л. И. Зубока⁴. В монографии И. А. Белявской обобщен богатый фактический материал, показаны главные тенденции и силы, раскрыто существо реформистской политики Т. Рузвельта и В. Вильсона⁵. В. В. Согрин посвятил свою статью идеологии «прогрессизма»⁶. Причины перехода американской буржуазии к реформизму рассматриваются в статье В. Л. Малькова и Д. Г. Наджафова, а также в монографии В. Л. Малькова о «новом курсе»⁷. Отдельным аспектам темы посвящены работы А. В. Дмитриева и Б. Д. Козенко⁸. Многие проблемы истории США в 1898—1914 гг. затрагивают И. П. Дементьев, А. А. Кислова, Г. П. Куропятник и другие советские исследователи⁹. Все эти работы позволяют создать достаточно полное представление об основных событиях и процессах того периода.

Их сутью был переход к империализму, который, «...как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг.»¹⁰. В этих условиях произошло обострение социальных конфликтов, возникли новые антагонизмы. Появление монополий вызвало громадное обобществление производства, что резко усилило противоречия капиталистического общества. Для смягчения этих противоречий и придания устойчивости экономике понадобилось, как предвидел еще К. Маркс, вмешательство государства¹¹. «Передовые» круги крупной буржуазии требовали проведения соответствующих реформ с тем, чтобы ослабить воздействие кризисов, обеспечить более эффективную с точки зрения капитала эксплуатацию природных и человеческих ресурсов, создать лучшие условия для внешнеэкономической экспансии, содействовать устранению «дикой» конкуренции и т. п. Империалисты добивались организации большой армии, мощной бюрократии, гибкой, сильной и эффективной власти, ограничения буржуазно-демократических свобод и «пионерской» вольницы в штатах. «Свободной конкуренции, — указывал В. И. Ленин, — соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹². В США, как и в других капиталистических странах, «современная «передовая», образованная»¹³ буржуазия в лице своих идеологов и политиков (Л. Уорд, Р. Эли, Г. Кроули, Т. Рузвельт, В. Вильсон, Эд. Хауз, Э. Гери, Д. Перкинс и др.) была инициатором и

⁴ В. И. Лан. Классы и партии в США. М. 1932; Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М. 1956; его же. Очерки истории рабочего движения в США (1865—1918). М. 1962; его же. Экспансионистская политика США в начале XX века. М. 1969.

⁵ И. А. Белявская. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М. 1968; см. также сравнительный анализ реформизма в США и Западной Европе в статье: И. А. Белявская. В. И. Ленин о буржуазном реформизме в США и Западной Европе. «Американский ежегодник 1971». М. 1971.

⁶ В. В. Согрин. Герберт Кроули как идеолог буржуазного реформизма в США. «Американский ежегодник 1971».

⁷ В. Л. Мальков, Д. Г. Наджафов. Новейшая буржуазная историография о происхождении «нового курса» Ф. Рузвельта. «Против фальсификации истории». М. 1959; В. Л. Мальков. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М. 1973.

⁸ А. В. Дмитриев. Движение «разгребателей грязи» и монополии США (1900—1908). «Вестник» Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1963, № 2, вып. I; Б. Д. Козенко. Антирабочая внутренняя политика правительства В. Вильсона в 1913—1917 гг. «Рабочее и национально-освободительное движение в странах Америки». М. 1966; его же. В. И. Ленин о буржуазном реформизме в США. «В. И. Ленин о некоторых проблемах истории». Саратов. 1970.

⁹ «Очерки новой и новейшей истории США». Т. I. М. 1960; Г. П. Куропятник. Фермерское движение в США. М. 1971; И. П. Дементьев. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М. 1973; А. А. Кислова. Социальное христианство в США. М. 1974, и др.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 164.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 783.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 93.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 305.

проводником соответствующих реформ, главным образом в экономике и государственном устройстве, которые укрепляли положение капитализма, господство монополий. В связи с обострением классово-борьбы эти мероприятия затронули и сферу социального законодательства.

Империализм принес гнет финансовой олигархии, усиление эксплуатации трудящихся, разорение нетрестированной части буржуазии. Это, в свою очередь, вызвало мощное сопротивление. Период 1898—1914 гг. характеризовался подъемом рабочего движения, ростом его силы, организованности, сознательности. Увеличились численность и влияние социалистов. И хотя в сравнении с Европой рабочее и социалистическое движение в США было во многих отношениях слабым и отсталым¹⁴, оно представляло по тому времени такую силу, с которой уже нельзя было не считаться. Обострение социальных противоречий имело в Америке ту особенность, что оно сказывалось в «усилении движения против трестов, в чрезвычайном росте социализма и внимания к нему имущих классов»¹⁵. Гнет и произвол монополий, обострение социальных конфликтов заставили широкие слои буржуазии и «средних классов» (служащих, ремесленников, интеллигенцию и других), ощутивших на себе мертвую хватку трестов и банков, выступить с протестом, нашедшим выражение в массовом походе за реформы — движении прогрессистов, которое вышло за рамки собственно прогрессивной партии.

И «прогрессизм» (буржуазный реформизм) и массовое прогрессистское движение были явлениями сложными, многоплановыми, противоречивыми. В рядах прогрессистов оказались идеологи и политики реформистски настроенной крупной буржуазии, стремившиеся (и не без успеха) использовать выступление масс для достижения своих целей и главное — ослабления противоречий капитализма с помощью реформ. Но тут же были фермеры и крупные землевладельцы Юга, городская мелкая и средняя буржуазия, верхушка рабочих, интеллигенция, другие представители «средних слоев», выступавшие против монополий.

Многие участники движения были охвачены тоской по ушедшим временам, от них исходила «мещански-реакционная критика капиталистического империализма», они мечтали о «возвращении *назад*, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции»¹⁶. Умеренная и зажиточная часть прогрессистов страшилась революции и социализма, враждебно относилась к рабочему движению. Среди них распространялись расистские, националистические и шовинистические настроения. В целом движение объективно было направлено на укрепление позиций капитализма посредством реформ; во многих отношениях оно было менее радикально, чем фермерские выступления 80—90-х годов XIX века. В то же время в состав прогрессистского лагеря входили широкие народные массы, которые представляли «мелкобуржуазно-демократическую оппозицию империализму»¹⁷. Они вкладывали в лозунг реформы свои надежды и чаяния, выходившие за рамки, предусмотренные лидерами движения. Часть из них разделяла, хотя и превратно понимая, идеи социализма и способствовала успехам социалистов в США¹⁸. Массовое прогрессистское движение носило демократический и антимонополистический характер: оно выступало против засилья и произвола монополий, продажных буржуазных политиканов, за проведение социальных реформ и демократию.

¹⁴ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки, стр. 350.

¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 181.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 322.

¹⁷ Там же, стр. 408.

¹⁸ Мэр-социалист, победивший на выборах в одном маленьком городке, объяснял свой успех тем, что 20% избирателей голосовали за социализм, а 80% — выражали свой протест против произвола монополий (R. S. Baker. Woodrow Wilson: Life and Letters. Vol. III. Garden City. N. Y. 1931, p. 225).

Подъем рабочего, социалистического и общедемократического движения обострил борьбу в правящем лагере по вопросу о методах сохранения и укрепления буржуазной диктатуры. В начале нынешнего века победила фракция, считавшая необходимым выдвинуть социальную реформу как главное, но, разумеется, не единственное средство борьбы против революции. Таким образом, «необычайно ясное и яркое выступление *буржуазного реформизма*»¹⁹ в США на рубеже XX в. явилось в конечном итоге отражением подъема классовой борьбы. Активное вмешательство правительства в сферу экономики и социальных отношений ради укрепления господства капитала положило начало государственно-монополистическим тенденциям в США. С другой стороны, мощное давление народных масс вынудило правительство пойти на определенные уступки и реформы, в известной мере улучшавшие положение трудящихся и несколько ограничивавшие производ и реакционные устремления монополий.

История США 1898—1914 гг. оказалась периодом необычайно острого общественного конфликта, сложного по своему содержанию и характеру. В нем участвовали рабочие, фермеры, буржуазные реформаторы, негры и женщины. Он сопровождался выступлениями социалистов и борьбой фракций в правящих кругах. Главными в этом конфликте были протест против тирании монополий и требование реформ. Примечательно, что в 1912 г. из 15,5 млн. избирателей более 12 млн. отдали свои голоса за те или иные программы реформ²⁰. Реформистский «взрыв» вызвал раскол республиканской партии и временный распад двухпартийной системы, а также смену руководства в демократической партии.

Эту атмосферу конфликта, антимонополистических выступлений народных масс в определенной степени отразили в своих трудах либерально-реформистские авторы, в большинстве своем современники и участники событий (Б. Де Уитт, Р. С. Бейкер, Ч. Бирд). Им был свойствен критический подход к истории США, понимание неизбежности конфликтов, роли некоторых экономических факторов, хотя в отличие от марксистов они исходили из «экономического детерминизма» и сводили классовую борьбу к столкновению «интересов» экономических, «секционных групп», игнорируя социальную и политическую стороны общественных антагонизмов и отрицая роль и борьбу трудящихся и в первую очередь — пролетариата²¹. Самое же основное состоит в том, что представители прогрессивистской школы исходили исключительно из буржуазных реформ. Роль избавителя капитализма от его внутренних противоречий и конфликтов они возлагали на «средний класс» и его лидеров. Неправоммерно объединяя в одном лагере таких различных деятелей, как Р. Лафоллет, У. Брайан, Т. Рузвельт, В. Вильсон, они на все лады восхваляли «прирожденные» добродетели и реформистские склонности этих лидеров, идеализировали их взгляды и политику. При этом они избегали упоминать о расистских, националистических, экспансионистских воззрениях части прогрессивистов, о связях их руководства с монополиями, с крупным капиталом. Весьма

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 192.

²⁰ A. S. Link. American Epoch. A History of the United States since 1890's. N. Y. 1955, p. 124.

²¹ Даже по словам либерального ученого Д. Хайема, в общем, доброжелательно относящегося к реформистской историографии, прогрессивистские историки извращали существо марксизма, отбросив материалистическую диалектику и низведя исторический материализм до простого подчеркивания политической важности собственности (J. Higham, L. Krieger and F. Gilbert. History. The Development of Historical Studies in the United States. Englewood Cliffs. 1965, p. 179; см. также В. Л. Мальков. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии. (Кризис методологических основ и практики конкретных исследований). «Критика современной буржуазной и реформистской историографии», М. 1974).

характерно и то, что эти историки предпочитали уходить от вопроса о противоречиях в самом прогрессистском движении.

Впервые критика прогрессистской историографии прозвучала еще в 40-е годы. Но настоящее критическое наступление на нее развернулось после второй мировой войны. Против старых представлений и оценок ополчились представители «школы бизнеса», неолибералы и неоконсерваторы, а недавно — и «новые левые» («радикалы») и другие. Как заметил один рецензент в журнале «American Historical Review», поток «ревизионистской» литературы о «прогрессивной эре» грозит смыть основы современной либеральной историографии²².

Среди критиков «прогрессизма» прежде всего выделяется Р. Хофстедтер. Хотя взгляды этого историка претерпели заметную эволюцию²³, в свое время его работы, провозглашавшие идеи «консензуса» (согласия) и повлиявшие на многих американских историков, явились серьезным ударом по прогрессистской историографии. Хофстедтер выступил против «безличности» прогрессистской школы, ее приверженности к «сухому экономическому детерминизму», пренебрежения идеологией и психологией реформаторов. Он обратил внимание на то, что прогрессистское движение возникло в период экономического подъема, и высказал сомнение в «благородстве» мотивов его участников. Хофстедтер искал причины прогрессистского движения не столько в социально-экономических условиях, сколько в идеях и склонностях, настроениях и психике его участников. Он утверждал, что «средний класс» выступил с лозунгом реформ не из любви к страждущим, но с эгоистической целью спасти свое привилегированное положение, почет, власть, свой статус от натиска монополистов. Он подверг сомнению весь социально-критический аспект реформистского движения и его антимонополистическую направленность, объявив «прогрессизм» широким и неопределенным движением всего общества (а не отдельных классов), направленным на некую «самореформацию» под влиянием «традиционных импульсов» к критике и изменению²⁴. Историк не преминул отметить национализм и антисоциалистические взгляды «героев реформы», их враждебность к рабочим организациям²⁵. Хофстедтер не отрицал полностью социально-экономические факторы (рост трестов, рабочее движение и т. п.), но, по сути дела, лишил их всякого значения, выдвинув на первый план развитие идей и психологии прогрессистов. В его работах отчетливо прозвучало стремление смягчить и даже «убрать» конфликтные ситуации «эры», отодвинуть на задний план действия народных масс.

Высказывания Хофстедтера были подхвачены многими буржуазными историками разных направлений, поставившими во главу угла исследование не только политики, но и взглядов, настроений, склонностей

²² L. Galambos. Рец. на кн.: M. Urofsky. Big Steel and the Wilson Administration. Columbus. 1969. («The American Historical Review», Vol. LXXV, № 4, April 1970, pp. 1198—1199). Авторы сборника «Прогрессивная эра», пытаясь объяснить противоречивость концепций, объясняющих историю этого периода, одновременно высоко оценивают достижения прогрессистов, которые-де показали «способность общества к самоулучшению без революции» («The Progressive Era». Ed. by L. L. Gould. Syracuse. 1974, pp. V, 10).

²³ Н. Н. Яковлев. Критика «бесконфликтной» истории. «США. Экономика, политика, идеология», 1970, № 2, стр. 82—83; И. П. Дементьев. Указ. соч., стр. 20; В. Л. Мальков. Указ. соч., стр. 346—349; Н. Н. Болховитинов. Некоторые проблемы историографии Американской революции XVIII в. «Новая и новейшая история», 1973, № 6, стр. 151.

²⁴ R. Hofstadter. The Age of Reform: from Bryan to F.D.R. N. Y. 1955, pp. 4—5, 8—12, 136—139. Позже ряд исследователей (Д. Левин, Р. Шерман, Д. Крукс и др.) опровергли хофстедтеровский тезис об «эрозии статуса»: S. B. Wagner. Рец. на кн.: Y. B. Crooks. Politics and Progress. The Rise of Urban Progressivism in Baltimore 1895—1911. Baton Rouge. 1968 («The Journal of American History», Vol. LVI, № 1, June 1969).

²⁵ R. Hofstadter. The Age of Reform, pp. 20—21, e j u s d. The American Political Tradition and the Man Who Made It. L. 1962, pp. 217—218, 240—241.

прогрессистов²⁶. Идеи Хофстедтера оказали известное влияние на историков неолиберального направления, которым одно время принадлежала монополия на изучение «прогрессивной эры». Монополия эта легко объяснима: сначала XX в. именно либеральная, а затем неолиберальная историография всячески пропагандирует тезис о якобы поступательном движении капитализма США к вершинам «всеобщего благоденствия». В этом апологетическом духе и преподносятся реформаторские кампании Т. Рузвельта, В. Вильсона и других. Неолибералы в отличие от «старых» либералов не признают, что исходным пунктом «прогрессизма» был общественный конфликт, хотя и не отрицают известных общественных противоречий, возбудивших «реформаторские страсти». В их работах социально-экономические и политические факторы едва намечены, их место заняли субъективные моменты: «традиционные» идеи и импульсы, вроде «извечного стремления американцев к самоусовершенствованию», воплотившегося якобы в идеологии и психологии реформистов. Неолибералы занимаются тончайшими нюансами идейной и душевной эволюции «отцов-реформаторов», но уклоняются от анализа фундаментальных причин, вызвавших к жизни самое эту эволюцию.

Неолибералы сознательно и открыто отрицают классовую борьбу, роль массовых движений. Все прогрессистское движение для них всего лишь фон для деяний «великих реформаторов». Прогрессистская формула—«средний класс» и его лидеры — перевернута: великие люди и поддерживающий их «средний класс». Явное предпочтение оказывают неолибералы реформаторам консервативного толка (Т. Рузвельту, В. Вильсону), а более или менее радикальными (У. Брайан, Р. Лафоллет) они, в общем, пренебрегают. Буржуазно-реформаторское движение изображается как некое «стихийное народное усилие», «консервативная революция» в целях спасения США от «крайностей богатства и бедности», от продажи власти и деградации масс, от господства экономической олигархии и «бунта бедных». Но главная цель, по их мнению, состояла в замене устаревшей и ставшей опасной системы свободной конкуренции «laissez faire» новой системой взаимоотношений правительства и бизнеса. В этом плане ими рассматривается деятельность Т. Рузвельта и В. Вильсона²⁷. Неолибералы идеализируют государственно-монополистический капитализм и воспевают его знаменосцев.

В последние годы неолиберальные историки отказываются от пасторально-восторженного тона, характерного для работ Р. Бейкера, В. Паррингтона и других представителей прогрессистской школы. Они утверждают, что реформистами двигали отнюдь не благородные мотивы, а такие, как страх, зависть, групповые предрассудки, расизм и т. п. В их среде, пишет, например, Дж. Маури, сложился культ сильного, жестокого человека, ведущего массу и опекающего ее; немногие прогрессисты думали о себе как о слугах народа²⁸.

Внимание неолибералов привлек вопрос об отношении прогрессистов к империалистической экспансии. У. Лейхтенберг, развивая идеи Хофстедтера, утверждал, что прогрессисты всегда поддерживали агрессию США. «Прогрессизм» и экспансионизм идеологически соответствующ друг другу, заявил он²⁹. Национализм во внешней политике привел

²⁶ F. McDonald. The United States in the Twentieth Century. Vol. I. 1900—1920. L. 1970. p. 257; O. L. Graham Jr. The Great Campaigns: Reform and War in America 1900—1928. Englewood Cliffs — N. Y. 1971, p. 174.

²⁷ A. M. Schlesinger Jr. Age of Roosevelt. Vol. I. The Crisis of the Old Order. 1919—1933. Boston. 1957; A. S. Link. Op. cit.; G. F. Mowry. The Era of Theodore Roosevelt. 1900—1912. N. Y. 1958.

²⁸ G. E. Mowry. Op. cit., pp. 86—89.

²⁹ W. E. Leuchtenburg. Progressivism and Imperialism: The Progressive Movement and American Foreign Policy. «Reform, Crisis and Confusion 1900—1929». Ed. by R. I. Wilson. N. Y. 1970. Ранее статья была опубликована в «Mississippi Valley Historical Review», Vol. XXXIX, December 1952.

прогрессистов к поддержке милитаризма и вступления в первую мировую войну, пишут Р. Сигер, У. Харбо и другие³⁰. Появились работы, разоблачающие расизм многих реформаторов, легко жертвовавших интересами негров³¹. Расизм, национализм, «всеобщее увлечение» империализмом действительно имели место в реформистском движении, в первую голову — в его верхнем эшелоне, особенно заинтересованном в экспансии. Буржуазная струя придавала всему движению националистическую и даже шовинистскую окраску. Но те же Харбо, Сигер, а также Д. Купер, Ч. Чэтфилд и другие приводили свидетельства о сопротивлении, которое оказали «аграрные» и некоторые иные представители прогрессистского движения в конгрессе милитаристской кампании «готовности», вовлечению США в мировую войну³². В рядах прогрессистов находились и борцы за права негров — Дж. Адамс, П. Келлог, М. Стори и другие. Следовательно, необходимо подходить к прогрессистам дифференцированно, в каждом случае учитывать их социальные позиции и цели.

Неолиберальные историки признают множественность течений в реформистских рядах и даже считают этот плюрализм «наиболее важной характерной чертой» всего движения. Они не исключают из него деловых людей, но отмечают, что, поскольку бизнесмены отказывались принять социальное законодательство, их участие вызвало «напряженность» в отношениях между прогрессистами³³. Здесь между неолибералами и неоконсерваторами отмечается заметное различие. Зато в вопросе о хронологических рамках «прогрессивной эры» неолибералы очень близки неоконсервативной концепции «преемственности» истории США. «Старые» либерально-реформистские историки не устанавливали четких границ «прогрессивной эры», называли разные даты ее окончания, во всех случаях не позже весны 1917 г., то есть до вступления США в войну³⁴. Неолибералы же перешагнули этот рубеж. Они объявили «военное регулирование» 1917—1918 гг. воплощением многолетних мечтаний реформаторов, даже расцветом «прогрессизма» и образцом для «нового курса»

³⁰ W. H. Harbaugh. W. Wilson, T. Roosevelt and Interventionism 1914—1917. A Study of Domestic Influences on the Formulation of American Foreign Policy. Evanston. 1954 (микрофильм диссертации); R. Seager II. The Progressives and American Foreign Policy 1898—1917: An Analysis of the Attitudes of the Leaders of the Progressive Movement toward External Affairs. Vols. I—II. W. p. 1956 (микрофильм диссертации), etc. Эта проблема привлекает внимание историков и сейчас. Так, Дж. Марковитц пытался более объективно исследовать взгляды прогрессистов на экспансию США, но не сумел показать ни их эволюцию, ни их социальную природу (G. E. Markowitz. Progressivism and Imperialism: A Return to First Principles. «The Historian. A Journal of History», Vol. XXXVII, № 2, February 1975). Интересный обзор историографии этой проблемы см.: J. Israel. Progressivism and the Open Door. America and China 1905—1921. L. 1971.

³¹ См. рецензии на книги: Sh. Hackney. Populism to Progressivism. Princeton. 1969; H. C. Bailey. Liberalism in the New South. Southern Social Reformers and the Progressive Movement. Coral Gabb. 1969; D. W. Southern. The Malignant Heritage: Yankee Progressives and the Negro Question 1901—1914. Chicago. 1968; на Ш. Хэки, X. Бейли: «The American Historical Review», Vol. LXXV, № 5, June 1970, pp. 1537—1538; на Д. Саутерна: «The Journal of American History», Vol. LVI, № 1, June 1969, p. 167.

³² J. M. Cooper Jr. The Vanity of Power. American Isolationism and the First World War, 1914—1917. Westport. 1969; Ch. Chatfield. For Peace and Justice. Pacifism in America 1914—1941. Knoxville. 1971.

³³ A. S. Link. What Happened to the Progressive Movement in the 1920? «The Higher Realism of Wilson and Other Essays». Nashville. 1971, pp. 353, 362. Примечательна одобрительная рецензия А. Линка на книгу: D. P. Thelen. The New Citizenship. Origins of Progressivism 1885—1900. Columbia. 1972, доказывавшего непричастность деловой элиты к прогрессистскому движению («The Journal of American History», Vol. LIX, № 3, December 1972, pp. 739—740).

³⁴ См., например: A. M. Schlesinger, Jr. Op. cit., p. 414; H. S. Commager and S. E. Morrison. The Growth of the American Republic. N. Y. 1937, p. 515; P. Хофстедтер ограничивал длительность прогрессистского движения 1915 годом («The Progressive Movement 1900—1915». Ed. and Introd. by R. Hofstadter. Englewood Cliffs. 1963).

Ф. Рузвельта³⁵. В сборнике «Влияние первой мировой войны» (1969) А. Линк писал: «Теперь уже будет наивностью повторять, что война убила прогрессизм, она принесла «идеализм военного времени», получивший полное выражение в эпоху «нового курса». У. Лейхтенберг, также утверждая, что прогрессисты одобряли опыт военного времени, приводел слова члена рузвельтовского «мозгового треста» Р. Тагвелла о том, что война породила «американский социализм военного времени». Здесь же А. Дэвис в качестве примера благотворного влияния войны на развитие реформизма ссылался на внедрение в армии прогрессистской морали, «чистейшей со времен Кромвелля»³⁶. О «положительном» опыте военного времени писали также С. Каплан, С. Хабер, Ч. Хиршфильд и другие, признававшие, однако, и отрицательное воздействие войны на движение за реформу³⁷.

А. Линк был одним из первых историков, поднявших вопрос о связи «прогрессивной эры» и периода «нормальности»³⁸. Ссылаясь на деятельность фермерского блока в конгрессе, законопроекты об ограничении иммиграции, консервации природных ресурсов, на «сухой закон» и активность реформаторов в городах и штатах, Линк утверждал, что в США и в 20-е годы сохранились многие компоненты прогрессивного движения, заложившие, по его словам, основу «нового курса» 30-х годов. Поэтому, писал он, надо говорить не о том, умерло ли «прогрессивное» движение в 20-х годах, а о том, что случилось с ним в эти годы и почему³⁹. Тезис относительно продолжения тенденций «прогрессивной эры» на последующих этапах истории США поддерживают теперь многие американские авторы (К. Чамберс, П. Хаббард, Д. Свейн, К. Паррини и др.)⁴⁰. Уже вышли или подготавливаются к изданию обобщающие исследования о прогрессивном движении в рамках «1900—1920 гг.»⁴¹. С другой стороны, упорствуют сторонники прежней периодизации. Спор продолжается. Реформаторские движения 20-х годов, пишет Б. Ногл,— «интригующая» и весьма спорная тема. Он склонен рассматривать эти годы как своего рода «новую границу» в американской историографии⁴².

На первый взгляд Шлезингер, Линк и их последователи имеют основания для своих утверждений. На всем протяжении истории США первой половины XX в. можно проследить разной силы и формы государственно-монополистические тенденции, которые как бы связывают отдельные этапы в единое целое. Все это время существовали и буржуазно-реформистские настроения, поскольку не исчезали причины и социальная база, их порождающие. Во время первой мировой войны и даже в 20-е годы отдельные требования прогрессистов воплотились в жизнь, что было сделано прежде всего в интересах успешного ведения войны, а частично и под давлением народных масс. Но это вовсе не дает оснований раздвигать границы «прогрессивной эры» чуть ли не до 1929 года. Вот почему попытки растянуть границы «прогрессивной эры» представляются несостоятельными и подчиненными определенным политическим, а отнюдь

³⁵ A. M. Schlesinger, Jr. Op. cit., p. 39; A. S. Link. American Epoch, pp. 135, 212—213.

³⁶ «The Impact of World War I». Ed. by A. S. Link. N. Y. 1969, pp. 3—4, 6, 54—55, 57—58, 61—63.

³⁷ O. L. Graham, Jr. Op. cit., pp. 181—183.

³⁸ A. S. Link. What Happened to the Progressive Movement in the 1920? (впервые эта статья появилась в «The American Historical Review», Vol. LXIV, № 4, July 1959).

³⁹ Ibid., pp. 362—365, 367—369.

⁴⁰ B. Noggle. The Twenties: A New Historiographical Frontier. «The American Themes. Essays in Historiography». Ed. by F. O. Catell and A. Weinstein. N. Y. 1968, pp. 385—386; P. J. Schmidt. Рец. на кн.: С. P. Parrini. Heir to Empire. United States Economic Diplomacy. 1916—1939. Pittsburgh. 1969. «The American Historical Review», Vol. LXXV, № 7, December 1970.

⁴¹ Например, книга Ф. Макдональда, в которой первая мировая война объявляется заключительной фазой прогрессистского движения (F. McDonald. Op. cit., p. 223).

⁴² B. Noggle. Op. cit., pp. 385—387.

не научным целям. Они вполне находятся в русле главных концепций апологетической историографии — «консенсуса» и «преемственности»⁴³.

Неолибералы значительно отошли от прогрессистских взглядов на историю «прогрессизма». В своих работах они все больше смягчают остроту общественных конфликтов, его породивших, все меньше внимания уделяют роли масс в этом движении. В своем стремлении «связать» события и процессы начала века, военных лет и 20-х годов в единое целое, в своей идеализации государственно-монополистического капитализма, в попытках оправдать империалистическую политику они все теснее смыкаются с неоконсервативным направлением в американской историографии.

На подход неоконсерваторов к «прогрессивной эре» оказали прямое воздействие идеи Д. Бурстина, Л. Харца, а также Р. Хофстедтера. Повлияли на них А. Невинс и другие представители «школы бизнеса», возмечивавшие «вклад капитанов индустрии» в благосостояние Америки. Неоконсерваторы полностью отбрасывают либерально-реформистскую концепцию «прогрессизма» как «откровенную выдумку», как «слишком простое объяснение» событий, сочиненное, по их словам, «не очень умными» современниками и сочувствующими им историками⁴⁴. Неоконсерваторы приписывают прогрессистской школе стремление изображать историю США начала XX в. в виде «безличных столкновений гигантских экономических движений» и конфликта «имущих и неимущих»⁴⁵. Сами же они решительно отказываются видеть в истории США какие бы то ни было общественные конфликты и противоречия. Вслед за Д. Бурстином они хотят представить «прогрессизм» как «общечеловеческий» и одновременно как «уникально-американский» отклик на проблемы, возникшие на рубеже двух веков.

Наиболее характерной для неоконсервативного направления является концепция Р. Уйби, профессора Северо-западного университета, который объявил себя «последователем психологического подхода Хофстедтера» и исследовал не столько историю прогрессизма, сколько взаимоотношения участников движения, их условия, настроения и т. п., взятые в статическом, а не динамическом ракурсе⁴⁶. Концепция эта, созданная скорее на основе социологических, чем конкретно-исторических данных, сводится к следующему. Традиционный — у прогрессистских авторов — конфликт реформистски настроенного народа и «специальных интересов» заменен в работах Уйби конфликтом «комюнити», старого, замкнутого, узкого, ограниченного в интересах, мелкого по целям, патриархального общества, и «сосаити», общества «нового» — широкого, централизованного, национального, безличного по внутренним связям, гигантского по целям⁴⁷. Выразителем этого «нового» общества является, с его точки зрения, «средний класс». Но это тоже «новый средний класс»: к нему относятся эксперты, специалисты в разных отраслях экономики и общественной жизни (не политики). Вместе с ними в качестве ведущей силы выступают бизнесмены, в том числе и крупные. Они определяют цели, рамки, характер движения, которое, естественно, уже не может бороться за социальную справедливость, но добивается рационализации и эффективности экономики, модификации и устойчивости социальных процессов, новой системы управления. Под всем этим явственно проглядывают черты государственно-монополистического капитализма. Таким образом,

⁴³ «The American Themes», p. 386.

⁴⁴ F. McDonald. Op. cit., p. IV; S. P. Hays. The Response to Industrialism. 1885—1914. Chicago. 1963, pp. 141—143.

⁴⁵ S. P. Hays. Op. cit., pp. VII—VIII.

⁴⁶ Ibid., p. 192; R. H. Wiebe. Businessmen and Reform: A Study of the Progressive Movement. Cambridge. 1962, pp. 2, 207—209, 211—212; e j u s d. The Search for Order 1877—1920. N. Y. 1967.

⁴⁷ R. H. Wiebe. The Search for Order, pp. 27—28.

в сочинениях неоконсерваторов прогрессистское движение, теряя всякую социальную окраску, определяется как «центральная» сила в «революции, изменившей структуру политики и управления в начале XX века»⁴⁸.

Роли бизнесменов в реформистском движении Уйби посвятил специальное исследование, в котором поднимает на щит их «реформистские» достижения, отводит им почетное место в истории «прогрессизма» и отмечает всякую радикальную критику антирадикализма⁴⁹. Уйби подчеркивает множественность течений в реформистском лагере, враждебность этих течений, примирить которую Уго, по его мнению, только один арбитр — буржуазное государство. К 1920 г., обогащенные опытом «военного регулирования», бизнесмены устанавливают новую систему, эксперты занимают свое место в аппарате государства и монополий, прогрессистское движение иссякает. Такова — в самом общем виде — схема Р. Уйби.

Ее высоко оценили многие американские буржуазные ученые. Неоконсервативный историк С. Хейс заявил, что концепция Уйби окажет сильное влияние на будущие исследования по американской истории 1877—1920 годов. Хейс особо выделил тезисы о конфликте между «комюнити» и «новым» обществом и о «новом среднем классе» как истинным источнике реформистского движения⁵⁰. Хейс изображает «прогрессизм» как своеобразную «организационную революцию» («революционные силы технологии», пишет он, поставили вопрос так: «организуйся или погибнешь»). Главной чертой «прогрессивной эры» он объявляет «конфликт», но такой, который, во-первых, развивается в рамках существующей системы и в духе преданности ей, а во-вторых, является столкновением «функциональных, отраслевых, секционных и тому подобных интересов», например, промышленного Востока с аграрным Югом и Западом, фермера — с рабочим, поставщика — с железными дорогами и т. д. Эти конфликты, утверждает он, были сильнее, чем «предполагаемое общее чувство антикорпоративизма». Они-то и породили экономическое законодательство «прогрессивной эры». А социальные законы принес с собой «гуманитарный импульс», носителями которого оказались духовенство и зажиточные филантропы, имевшие время заботиться о ближнем⁵¹.

Как и Уйби, Хейс настойчиво проводит мысль о руководящей роли дельцов в проведении реформ, будь то преобразование муниципалитета Питтсбурга или законы о консервации природных ресурсов⁵². Он постоянно подчеркивает связь реформизма с прогрессом в области технологии, эффективности и рационализации производства, старательно избегая даже малейших намеков на социально-политическую сторону «прогрессивной эры». Как и другие неоконсерваторы, например, Д. Аарон, А. Екирч, Хейс укоряет так называемых политических реформаторов за «консерватизм», «национализм», элитизм, утопизм, «прогрессивизм сомнительного

⁴⁸ «Реформистское движение начала XX века состояло не столько в искоренении и разрушении, сколько в управлении, контроле и регулировании... [Реформа] стала техническим вопросом, для которого важнее всего были соображения эффективности», — писал С. Хабер в работе «Эффективность и подъем» (цит. по: S. G. Olin Jr. *California Prodigal Sons. Hiram Johnson and the Progressives 1911—1917*. Berkeley and Los Angeles. 1968). Эффективность в экономике и государственном управлении действительно была «евангелием» прогрессистов-технократов, но она не исчерпывала всего содержания «прогрессизма» (см. «Issues of the Populist and Progressive Eras 1892—1912». Ed. by R. M. Abrams, N. Y. 1969).

⁴⁹ R. H. Wiebe. *Businessmen and Reform*, pp. 207—213.

⁵⁰ O. L. Graham Jr. *Op. cit.*, pp. 174—175; см. рецензию Хейса на кн.: R. H. Wiebe. *The Search for Order* («The American Historical Review», Vol. LXXIII, № 4. April 1968, pp. 1248—1249).

⁵¹ S. P. Hays. *The Response to Industrialism*, pp. 48, 69—70, 137, 143, 189.

⁵² S. P. Hays. *Conservation and the Gospel of Efficiency. The Progressive Conservation Movement 1890—1920*. Cambridge (Mass.) 1959; O. L. Graham Jr. *Op. cit.*, p. 174. Критику взглядов Хейса см.: И. А. Белявская. *Буржуазный реформизм в США*, стр. 240. Оценку работ Хейса американскими авторами см.: «The American Themes», pp. 345—346 etc.

сорта» и т. п. Прогрессивная партия, по Хейсу, всего лишь выражала кризис американского индивидуализма, ее деятельность представляла собой настоящий религиозный крестовый поход с пением гимнов, проповедью Армагеддона и проч.⁵³

В конечном итоге неоконсервативная концепция «прогрессивной эры» глубоко искажает действительную ее историю. Абсолютно игнорируются существование классов, классовая борьба и какие-либо конфликты общественного характера, полностью отвергается роль рабочего, социалистического и общедемократического движения. Реальные конфликты предвоенных лет в США выхолащиваются, заменяются надуманным, искусственным, необыкновенно раздутым противопоставлением сельской патриархальщины городу и индустриализму. В трудах неоконсерваторов широкое и многообразное демократическое антимонополистическое движение исчезает и подменяется узким по составу и цели, лишенным каких бы то ни было социальных примет движением бизнесменов и технократов. Общественное развитие сведено к медленным и «организованным» процессам приспособления американского общества к новшествам экономики и технологии. На щит поднимаются эмпиризм прогрессистов, их идейно-организационный плюрализм, лидерство крупного бизнеса. Низвергаются с руководящих высот «политические реформаторы», и на их место водружается деловая элита, «прозорливо ведущая» страну к новому порядку. Неоконсерваторы, в сущности, видят в «прогрессизме», да и во всем том периоде единственное содержание: укрепление капиталистической экономики государственно-монополистическими методами. Они выступают как апологеты государственно-монополистического капитализма, который для них является венцом победоносного развития капитализма.

В критическом наступлении на либерально-реформистскую историографию «прогрессизма» участвуют и «новые левые» («радикалы»). Историки этого направления критикуют американский капитализм, его реакционную внутреннюю и агрессивную внешнюю политику, некоторые из них выражают уверенность в возможности и необходимости социализма в США. Они показывают противоречия и конфликты, присущие американской истории, и в этом смысле в определенной степени близки к историкам прогрессистской школы. Однако в отличие от последних «радикалы» не верят в спасительное действие реформ, а, напротив, видят в них, может быть, самое злое из всех детищ «истэблшмента», обманувшее не одно поколение американцев. Для «радикалов» характерно откровенное презрение к либералам-реформистам и историкам, поднимающим их на щит. Прогрессистскую школу они обвиняют в бесплодности экономического детерминизма, в угодничестве перед сильными мира сего, в наивном и упрощенном подходе к роли «большого бизнеса», в прикритии прислужничества реформаторов перед монополистами и т. д. Наряду с этим осуждается конформизм неолибералов и неоконсерваторов, хотя на их работы историки-«радикалы» ссылаются довольно часто⁵⁴.

Имеются по меньшей мере две «радикальные» концепции «прогрессивной эры». Одна из них принадлежит Г. Колко⁵⁵. В его изображении 1900—1914 годы — это время противоборства двух сил: мощного, ис-

⁵³ «The American Themes», pp. 350—351; A. A. Kirck Jr. The Decline of American Liberalism. N. Y. 1955, pp. 170—172, 177—179; D. Aaron. Men of Good Hope. A Story of American Progressives. N. Y. 1961, p. XI; S. P. Hays. The Response to Industrialism, pp. 92—93.

⁵⁴ Порой они выступают совместно. В 1972 г. представитель «новых левых» Р. Рэдosh выпустил сборник статей по проблемам государственно-монополистического капитализма в сотрудничестве с лидером «правого либертарного движения», то есть «ультраправым» М. Роутбардом (см. «A New History of Leviathan. Essays on the Rise of the American Corporate State». Ed. by R. Radosh and M. Rothbard. N. Y. 1972).

⁵⁵ См. «Вопросы истории», 1972, № 12, стр. 172—179.

кусного и наглого крупного бизнеса и слабых, разъединенных, готовых капитулировать реформистских сил. Последние имели кое-какие успехи в отдельных городах и штатах, но потерпели поражение в национальном масштабе. Их доверчивые и не очень умные лидеры охотно принимают руководство хозяев больших корпораций, идут с ними на контакты, на идейный союз, на прикрытое и явное прислужничество. Устанавливается всеобщее согласие, но в жизнь проводятся только те меры, которых требуют монополисты. В итоге в США утверждается «новая система отношений бизнеса и правительства» — «политический капитализм», существующий и поныне. Он-то и объединяет все периоды американской истории начала XX в. в одно целое. Поэтому «прогрессивная эра» на деле обернулась «эрой консерватизма», триумфом его. Одна из причин столь быстрой и прочной победы капиталистических сил, по мнению Колко, состоит в неспособности прогрессистов организовать сопротивление «политическому капитализму». Прогрессисты не были сплочены и очень легко поддавались обману и нажиму. Социалисты, хотя и подняли голос протеста, казавшийся одно время грозным, тоже не обладали достаточной силой, чтобы одолеть врага. Рабочие и фермеры оказались если не соучастниками, то пленниками буржуазных партий. Народ проиграл начатое было в период «прогрессивной эры» сражение⁵⁶. Так, в самом общем виде, представляется концепция Г. Колко.

Ее основные идеи воспринял другой видный представитель «новых левых», Дж. Вейнштейн. По его мнению, «прогрессивная эра» 1900—1920 гг. была временем острой конкуренции в экономике и борьбы классов и общественных групп за влияние в политике. Большие корпорации одерживают победу над антикорпоративными силами, представленными социалистами и «неопопулистами», добиваются проведения всех необходимых им реформ. Монополии достигли успеха благодаря тому, что сумели использовать либералов и их идеи. Победил консерватизм, пишет Дж. Вейнштейн, но под флером либерализма. В США утвердился и здравствует и поныне «идеал либерального корпоративного строя». Только социалисты выдвинули действенную альтернативу «корпоративному либерализму», но крах партии в 1919 г. помешал ее успеху⁵⁷.

Одной из основных характерных черт «новой левой» концепции «прогрессивной эры» является нежелание понять и признать роль классовой борьбы и прежде всего рабочего и общедемократического движения, что глубоко искажает действительную картину событий. Огромный общественный конфликт, широкие массовые движения, выступления трудящихся, классовые битвы, борьба фракций в лагере буржуазии — все эти важные и поучительные факты остаются вне поля зрения «радикальных» авторов. Другая черта состоит в преувеличении силы, возможностей, живучести «истэблишмента». «Новые левые» видят только мощь и успехи монополий, закрывая глаза на слабости, внутренние противоречия, историческую обреченность капитализма. «Политический капитализм» Г. Колко или «корпоративный либерализм» Дж. Вейнштейна фактически суть разные названия государственно-монополистического капитализма. Мощь объединенных сил монополий и государства «новые левые» объявляют, в сущности, непобедимой. «Новые левые» не хотят видеть диалектичности и сложности прогрессизма как противоречивого и многопланового явления. Внутренних конфликтов и диалектику государственно-монополистического капитализма, возникшего для спасения

⁵⁶ G. Kolko. The Triumph of the Conservatism: A Reinterpretation on American History 1900—1914. N. Y. 1963, pp. 3—5, 279—282, 304—305.

⁵⁷ J. Weinstein. The Corporate Ideal in the Liberal State. 1900—1918. Boston. 1968, pp. IX—XI, 3, 4—5, 255. В том же духе М. Склар интерпретирует взгляды В. Вильсона как идеологического и политического лидера «корпоративного индустриального капитализма» (см. M. J. Sklar. W. Wilson and the Political Economy of Modern United States Liberalism («A New History of Leviathan»)).

капитализма и одновременно являющегося ступенью к социализму, они не признают и не понимают.

Наконец, работы «новых левых» полны ядовитого и не всегда обоснованного осуждения либеральных реформаторов. В них, в их «обмане» они видят причины современной трагедии Соединенных Штатов. С точки зрения «радикалов», реформаторы — большие враги, чем сами хозяева монополий. Кстати, отчасти под влиянием «новых левых» многие американские буржуазные историки в последнее время, особенно молодые (М. Юровский, Г. Керр, Дж. Нэш, М. Дубовский, Д. Йеловитц и др.), на первый план выдвигают сотрудничество лидеров «прогрессизма» с нефтяными, стальными трестами, банками, железными дорогами и т. п., ставят под сомнение сочувственное отношение определенных деятелей прогрессистов к профсоюзам, к рабочему классу⁵⁸. Считавшийся «новым левым» К. Лэш, исследуя взгляды молодых интеллектуалов в «прогрессивную эру», утверждает, что их больше волновал страх перед кризисом буржуазной культуры, чем бедствия трудящихся масс, что их целью были реформы образования, искусства, сексуальных отношений, а вовсе не устранение социальных зол⁵⁹.

«Новые левые» пытаются опереться на пеструю и противоречивую смесь идей, выдвинутых различными радикально-буржуазными идеологами. Их идейно-теоретическую позицию отличают эклектизм, метафизический подход, односторонность, крайности, заключающиеся в отрицании одной и возвеличивании другой стороны явлений, вырывание из общего контекста истории отдельных тенденций и фактов. Собственно, и в истории США 1898—1914 гг. «новые левые» выделили лишь одну тенденцию, возвели ее в абсолют и этим исказили историю «прогрессивной эры», представив ее лишь как «сплошную распродажу прогрессизма большому бизнесу»⁶⁰, как одно «большое предательство» со стороны лидеров реформистского движения, полностью проглядев тенденцию (пусть и не реализованную) к созданию широкой антимонополистической коалиции.

В последнее время появились и готовятся к изданию труды, претендующие на обобщение новых концепций. Вышел сборник, в который включены статьи Р. Хофстедтера, Г. Колко, К. Лэша, Р. Уйби, Г. Мея и других. Его составитель и редактор, преподаватель Висконсинского университета Р. Дж. Вилсон объявил, что это «образец новой интерпретации истории,.. который, вероятно, определит путь американской историографии 70-х годов»⁶¹. Р. Вилсон суммирует характерные черты нового подхода к истории «прогрессивной эры», состоящие, по его мнению, в развенчании «политических реформаторов» и мотивов их выступления; оспаривании роли интеллигенции, предавшей «зловещей форме элитизма»; в возвеличивании бизнесменов как истинных лидеров движения за реформу; изображении «прогрессизма» как общего движения под руководством бизнесменов вместо «устаревшего» конфликта реформаторов и делового общества; «военное регулирование экономики» завершает реформистский поход. Единство во внутренней политике США первых десятилетий XX в. дополняется единством внешней политики, по-

⁵⁸ M. Dubofsky. When Workers Organize. New York City in the Progressive Era. Amherst. 1968; I. Yellowitz. Labor and the Progressive Movement in New York State 1897—1916. N. Y. 1968; M. Urofsky. Big Steel and Wilson Administration. Columbus. 1969; C. B. Cowing. Рец. на: A. R. Raucher. Public Relations and Business. 1900—1929. Baltimore. 1968 («The Journal of American History», Vol. LVI, № 4, June 1969, pp. 163—164); A. M. Johnson. Рец. на: G. D. Nash. United States Oil Policy 1890—1964. Pittsburgh. 1968 («Political Science Quarterly», Vol. LXXXVI, № 1, March, 1971, pp. 123—125), etc.

⁵⁹ Ch. Lasch. The New Radicalism in America 1889—1963. The Intellectual as a Social Type. N. Y. 1965, pp. XIV, XVII.

⁶⁰ F. McDonald. Op. cit., p. 258.

⁶¹ «Reform, Crisis and Confusion 1900—1929». Ed. by R. I. Wilson. N. Y. 1970, p. 4.

скольку многие прогрессисты оказались... «боевыми империалистами». Вилсон относит к периоду прогрессизма 1900—1929 годы⁶².

Любопытна книга близкого к либеральным кругам профессора Калифорнийского университета О. Грэхема «Великие кампании. Реформа и война в Америке 1900—1928 гг.»⁶³. Грэхем известен работой о «новом курсе», которую рецензенты расценили как вызов традиционному либеральному представлению о прогрессизме⁶⁴. Теперь он претендует на «новый синтез» истории «прогрессивной эры», на переосмысление фактов в свете появившихся в последнее время работ Хофстедтера, Уйби, Хейса, Колко, Линка, Вейнстейна и других. Попытка сплавить воедино мнения столь разных историков, естественно, делает книгу, как заметили рецензенты, противоречивой и эклектичной. Вслед за прогрессистскими историками Грэхем признает наличие в США конфликта «экономических классов», грозившего распадом общества и революцией. Америка спаслась посредством реформ и «прогрессивного движения», но не того сентиментального движения чувствительных душ, о котором пишут в учебниках и хрестоматиях, а другого — более сложного, многообразного и «более американского», чем обычно представляют. Грэхем согласен с Уйби и Хейсом относительно руководящей роли бизнесменов и технократов в проведении реформ, но не отрицает и традиционного движения борцов за социальную справедливость. Он разоблачает как социальных реформаторов, так и корыстолюбивых лидеров делового мира. Вместе с Линком и Лэйхтенбергом Грэхем объявляет период первой мировой войны частью «прогрессивной эры», «может быть, прекраснейшим часом» «прогрессизма», хотя и признает, что война отрицательно повлияла на гуманитарные аспекты последнего. Он положительно относится к возникновению и развитию государственно-монополистического капитализма («регулируемого государства»), но огорчается, что военное регулирование экономики пошло на пользу монополистам. «Прогрессизм», образно говорит он, снес и высидел яйцо государственного регулирования, но родители птенца были с Уолл-стрита. Грэхем обвиняет крупный капитал в разгуле реакции 20-х годов и солидаризируется с Линком в том, что «прогрессизм» продолжал функционировать вплоть до 1928 года⁶⁵.

Противоречивость суждений и оценок Грэхема очевидна. Он отодвигает на задний план массовые народные выступления. Дух «преемственности» и «согласованного интереса» присутствует и в его работе, несмотря на определенное стремление вырваться за пределы конформистской историографии.

Исследования последних лет ввели в научный оборот много нового интересного материала. Однако истолкование, понимание истории «прогрессизма» продвинулось вперед в значительно меньшей степени. Подвергая «ревизию» либерально-реформистскую концепцию, неолибералы и неоконсерваторы стремились отыскать в истории США «стабильные ценности», традиции «согласия и солидарности», постоянства и «преемственности». В современных условиях буржуазный ученый, по признанию Д. Хайема, не может избежать консервативного взгляда на историю своей страны⁶⁶. В свете новых требований старая прогрессистская концепция оказалась идейно и политически неуместной для буржуазных идеологов, чуждой и даже опасной тем, что она в какой-то мере признавала существование классов и классовых противоречий в США, пороков капитализма, в известной степени учитывала выступле-

⁶² Ibid., pp. 4—6.

⁶³ O. L. Graham Jr. Op. cit.

⁶⁴ «The American Historical Review», Vol. LXXV, April 1970, № 4, p. 1X; «The Journal of American History», Vol. LIX, № 5, September 1972, p. 457.

⁶⁵ O. L. Graham Jr. Op. cit., pp. IX, 3, 10—12, 16—18, 30—32, 86, 90—91, 107, 115—117.

⁶⁶ J. Higham, W. L. Krieger and F. Gilbert. Op. cit., p. 221.

ния народных масс и трактовала «прогрессивную эру» как конфликт «демократического большинства против привилегированного меньшинства»⁶⁷.

Не удивительно, что подобная концепция подверглась пересмотру с явным намерением убрать «конфликты» и борьбу народных масс из истории «прогрессивной эры». На это направлено и «растягивание» границ этого периода до 1929 г., и стремление превратить бизнесменов в знаменосцев реформ при одновременном развенчании социальных реформаторов и охаивании массового прогрессистского движения. Ту же цель преследуют работы, сужающие характер буржуазно-реформистского движения до узкотехнологического деляческого «организационного» усилия, преследующего своей целью приспособить США к новой экономике и технологии, постепенно организовать «новое общество» в интересах монополий. Характерны попытки представить государственно-монополистический капитализм, который изображается как конечный результат «прогрессизма», свободным от противоречий⁶⁸. Критики же слева в буржуазной историографии, хотя и того или нет, выступают сплошь и рядом в русле официальной историографии, преувеличивая мощь и возможности монополий, разоблачая и охаивая реформистское движение сверх всякой меры.

В ходе ревизии прогрессистских концепций явственно просматривается усиление консерватизма в оценке «прогрессивной эры», откровенное втискивание бурных конфликтных событий того периода в русло «консензуса» и «преемственности». Еще более усиливается субъективно-идеалистический подход, умаление роли объективных факторов, игнорирование сложности и противоречивости изучаемых событий и процессов.

---

⁶⁷ Ibid., pp. 178—179.

⁶⁸ Американские буржуазные авторы стали употреблять такие термины, как «государственно-корпоративный» («State-corporate») или «государственно-монополистический» («State-monopoly») капитализм (см. «A New History of Leviathan», pp. 66—67), придавая им, разумеется, иное, чем марксисты, значение.